

Галина Польнская

Фата
для
церковной
мышки

Иронический детектив. Сена и Тая

Галина Польнская

Фата для церковной мышки

«Автор»

2004

Полынская Г.

Фата для церковной мышки / Г. Полынская — «Автор»,
2004 — (Иронический детектив. Сена и Тая)

Свершилось! У Таисии наконец-то появился сердечный друг! Счастливица даже остерегалась показать Артурчика своей подружке. Но сколь веревочке не виться, а... показ состоялся. Это ведь только Тая боялась дышать в присутствии ненаглядного, а матерый детектив-любитель Сена быстро раскусила прекрасного мерзавца. Ну скажите, зачем красавчику и миллионеру Артуру бедная, как церковная мышь, девчонка! Почуявшая опасность, Сена ищет подвох и очень быстро его находит...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	20
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Глава восьмая	31
Глава девятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Галина Полинская

Фата для церковной мышки

Глава первая

Свершилось! Этот праздник со слезами на глазах, этот день мы приближали, как могли! У Таисии наконец-то появился сердечный друг! И не просто появился, а продержался целых две недели и вроде даже не собирался сматывать удочки и линять с горизонта. Он продолжал быть! Или Тая крепко держала себя в руках и не позволяла своей истинной сущности вырваться на волю, либо парень являлся нешуточным экстремалом. Я этого отважного буревестника, этого витязя в тигровой шкуре еще не имела чести видеть. Тая строго держала его в секрете, и сколько это свинство еще будет продолжаться, я как раз и собиралась выяснить. Приглушив звук телевизора, я набрала Таискин номер и завалилась на диван. Трубку сняли после первого же сигнала.

– Ал-л-ло? – томно простонала Таисия.

– Расслабься, это я.

– А, Сена, – погрузнел голос, – привет.

– Да, прости, это всего лишь обычная, заваливающая, никому не нужная Сена. Прости, прости, прости!

– Прекрати, я просто ждала звонка...

– Даже знаю от кого. Когда ты мне его покажешь? Ну, когда? Когда же?

– Надо подумать...

– Хватит! Я больше так не могу! Кончай издеваться! Или ты мне его показываешь, или между нами все кончено! Почему, ну почему ты не хочешь нас познакомить? Он что урод? Или я урод? Отвечай!

– Я боюсь сглазить, – вздохнула Тайка.

– Думаешь, я могу тебе сглазить всю малину? – изумилась я. – Да как ты смеешь!

– Се-е-ена...

– Не ной! Я требую объяснений! В конце концов, это подло! Как только у тебя появился парень, я сразу же стала не нужна? Мы же обещали друг другу, что личная жизнь не будет влиять на нашу дружбу! И что теперь?

– Сена, он из богатой семьи, – с каким-то странным напряжением в голосе произнесла Тая.

– И что? – насторожилась я. – А, погоди, я, кажется, догадываюсь, он ни разу не был у тебя дома?

– Да, ни разу. Видишь ли, мне становится дурно при одной только мысли, что он увидит мою квартиру.

– Не ожидала от тебя, дорогая, – я улеглась поудобнее, настраиваясь на долгий разговор.

– У тебя квартира практически в центре Москвы, откуда такие комплексы?

– Ты видела эту квартиру. Она лучше твоего логовища только тем, что у меня в туалете не такой страшный плафон на лампе и люстры чуточку посимпатичнее, а в остальном, прекрасная маркиза...

– Ты, наверное, еще и наврала ему с восемь коробов?

– Ну... немного приукрасила действительность, можно так сказать.

– И насколько же ты ее приукрасила?

– Сказала, что не могу привести его к себе потому что дома находится мой муж, с которым я в данный момент пытаюсь развестись, а он разводиться не хочет из-за всепожирающей ко мне любви. Он грозитя покончить с собой, если я его брошу.

– Зачем тебе такой мексиканский сериал?

– Мне нужен был ореол трагизма, к тому же, женщина, пытающаяся развестись это лучше, чем женщина, которой ни разу не предлагали замуж.

– И что ты еще ему наговорила?

– Сказала, что у меня собственный салон красоты.

Я присвистнула и засмеялась.

– Ничего смешного, – хмуро перебила вруниха. – А что я должна была сказать? Что полгода ищу работу? А так я вообще-то вшивый экономист в прогоревшем банке? И вообще, я столько всего насочиняла... Каждый раз боюсь попасть впросак, потому что половину вранья уже забыла.

– Ты даешь!

– Я не знаю, что теперь делать, – раскисла и заныла подруга, – столько уже нагородила, неизвестно, как выпутываться буду.

– А все из-за того, что ты с самого начала повела себя неправильно, отстранила меня от дела! Изолировала, как ненужный элемент, вот и получи фашист гранату.

– Сена, я не фашист, я запуталась...

– Еще скажи: «мне нужна помощь, приезжай ко мне, Сеночка».

– Да, именно это я и хотела сказать.

– А как же твой муж? Он не будет против, если я зайду? Я его боюсь, если честно, он такой нервный, да еще и покончить с собой грозитя.

– Сенчурия, ну хватит издеваться, я правда в беде! Приезжай, пожалуйста, ради нашей дружбы.

– Ах, вот теперь ты вспомнила о нашей дружбе!

– Сена!

– Если я к тебе приеду, то снова застряну, а у меня Лаврик, мне нельзя его надолго бросать. Приезжай ты.

– Мы сегодня в театр идем...

Ах, они сегодня в театр идут! Ах, ах, ах!

– ...после я могу приехать, правда поздно будет, ничего?

– А зачем тогда ты меня к себе приглашаешь, если вы идете культурно отдохнуть?

– Надеялась, что ты посидишь у меня, подождешь...

Я прямо желчью захлебнулась! Они, значит, в театр пойдут – муси, пуси, передайте мне программку – а я буду сидеть у нее в квартире, дожидаясь, пока богема соизволит вернуться, чтобы слить мне в уши свои проблемы! Ничего себе пасьянс!

– Знаешь что...

– Не надо, – мрачно перебила Тая, – я знаю, что ты скажешь. Я приеду к тебе сегодня, ладно? С ночевкой.

– Хорошо, – вздохнула я, – буду ждать. Приятного времяпрепровождения.

И мысленно добавила: «мерзавцы».

Положив трубку, я устала в потолок. Хм... честно признаться, я не ожидала, что дела обстоят так скверно и Тайка начала строить отношения на куче вранья. У нас уже был печальный опыт, причем у обеих и не один, пытались мы при помощи своей буйной фантазии, хорошо подвешенных языков и честных ясных глаз стать умнее, красивее, богаче. Мы приписывали себе несуществующих поклонников, родственников, друзей, мы преувеличивали свои достоинства и уничтожали все недостатки, мы ввали так, что нам позавидовал бы любой сказочник, ввали классно, качественно, без запинки, никогда не краснея, но рано или поздно все

вылезало наружу. Случайное слово, стечение обстоятельств – и дыра была готова. Чтобы залатать ее, мы нагромождали новую ложь, но пирамида уже шаталась и чем больше мы продолжали нахлобучивать, тем сильнее она раскачивалась и, в конце концов, с грохотом падала нам же на головы. И тогда мы спасались позорным бегством, оставляя в сердцах молодых людей кислотные впечатления и скверные воспоминания. Мы клялись сами себе, что в следующий раз все будет иначе, но появлялись новые кандидаты в кавалеры, и начиналось все с начала, с того самого нехорошего начала – мы снова принимались врать. Мы окружали свои личности ореолом такой таинственности, громоздили такие мистические декорации, что от нас начинали шарахаться даже малознакомые люди. Не знаю, почему мы это делали, возможно, нам казалось, что мы недостаточно интересные и яркие личности, чтобы заинтересовать данного потрясающего молодого человека, вот и приписывали себе несуществующие заслуги. Ни я, ни Тая не обладали глянцевою красотой, имея которую достаточно лишь хлопнуть ресницами и время от времени открывать рот, чтобы произнести очередную глупость, в то время как вокруг все сходило с ума от любви к тебе, поэтому мы пытались взять всем сразу: и могучим интеллектом, и бешеной эрудицией, и паранормальными способностями. Нет, мы, конечно, понимали, что надо расслабиться, дышать ровнее, быть самими собою и нас обязательно оценят по заслугам и полюбят непременно, но... наступал момент, и будто дьявольские силы вмешивались, будто черти нас за язык начинали дергать и мы снова принимались за старое. Правда, когда нам основательно перевалило за двадцать, мы более-менее остепенились и умерили свой юношеский авантюризм, полагая, что с этими аттракционами покончено окончательно, как Тая вдруг на старости лет решила вспомнить бурную молодость. Но одно дело заливать баки мальчикам во дворе на лавочке в шестнадцать лет, а другое дело наврать с три короба взрослому мужчине, у которого, возможно, далеко идущие планы. Да еще и из богатой семьи, возможно приличные люди... ужас. Положение срочно требовало поправки, но необходимо было точно выяснить, как далеко зашли их отношения, насколько глубоко завязла Тая во лжи, и как все это безобразие привести в цветущий вид.

– Опять мне придется разгрести, Лавричек, – кряхтя, я слезла с дивана, – идем гулять, славный ты мой товарищ.

Лавр чихнул и бодро завилял хвостом. К прогулкам он был готов всегда, в любое время суток.

Часы показывали шесть вечера, во дворе резвилась молодежь, бабки на лавках намывали кости жильцам всех окрестных домов, в густых зеленых кронах дискутировали воробьи... все-таки лето – замечательное время года. Во дворе мы решили не разгуливать, никак местная публика не могла привыкнуть к моему девяностокилограммовому масику, все ждали пока он кого-нибудь покусает, надеялись! Но моя добродушная тумбочка на ножках ко всему миру относилась с искренним дружелюбием, хотя Лавр и мог показать зубы, если видел, что его хозяйке кто-нибудь, по его мнению, угрожает – человек или собака. Особенно бдительным он становился с наступлением сумерек.

Мы шли в школу на собачью площадку, где собирались хвостатые со своими хозяевами с двух соседствующих дворов. Отпустив Лаврентия к сотоварищам, я примкнула к кружку собачников послушать последние сплетни. Нынче обсуждалась чумка и ее последствия. Меня эта тема мало волновала, все прививки мы делали аккуратно, за здоровьем следили тщательно, ведь сенбернар, не смотря на свой внушительный вид, существо ужасно нежное и болезненное, хуже малого ребенка.

Пока собаки резвились на травке, я отошла от увлеченных чумкой хозяев и отправилась прогуляться вдоль школы. Помахивая плетеным поводком, я медленно шла, погруженная в свои думы.

– Извините, – раздалось вдруг над ухом.

Я подняла взгляд и увидела симпатичного брюнета лет тридцати, подмышкой он держал крошечного перепуганного таксика.

– Да? – улыбнулась я вислоухому таксику.

– У вас такой пес чудесный, это же ваш сенбернар?

– Мой, – загордилась я. – Лаврентием зовут. Щеночек у вас милый, как зовут?

– Марта, маме подарили на день рождения, вот, теперь я выгуливаю, кормлю и убираю за нею.

– Чего вы ее на руках держите? Пустите, пусть побегает.

– Мы первый раз на площадке, боюсь, как бы большие собаки не обидели.

– Ой, ну вы что, никто тут малышей не обижает, за этим мой Лаврик пристально следит.

Дальше мы шли уже вместе. Хозяина таксика звали Алексеем, и на руке у него не виделось обручального кольца. Из непринужденной беседы я выяснила, что он дантист и живет через три дома от меня.

– А вы чем занимаетесь? – он наклонился, чтобы поставить Марту на травку.

– Чем я занимаюсь? Я театральная актриса, играю во МХАТе...

Глава вторая

Тая прибыла в мои апартаменты в половине двенадцатого, когда я уже из последних сил смотрела какую-то бурду по телевизору, борясь со страстным желанием вытянуть копытца и заснуть. Тайка не стала звонить, открыла дверь своим ключом и вот, возникло на пороге комнаты чудное виденье. Я даже не сразу ее узнала! Подруга выкрасила волосы в черный цвет с лиловым отливом, навела чудо-макияж и вообще, на ней красовалось восхитительное сиреневое платье до пят и изящные черные туфли-шпильки на высоченном каблуке.

– Та-а-ая! – я слезла с кровати и осторожно подошла к дивной грёзе с тщательно завитыми блестящими локонами. – Какая ты-ы-ы!

Я не видела ее около пяти дней и за это время она, кажется, основательно похудела, да и вообще преобразилась в лучшую сторону.

– Слушай, – я медленно обошла вокруг нее, – да ты похудела!

– Еще бы, – вздохнула она, сбрасывая с ног туфли, – я вообще ничего не ем, кроме кофе и сигарет.

Ничего себе, вот это страсть!

– Такая любовь? – я подтянула сползшие пижамные штаны и вернулась на диван. – Ты из-за своего принца лишилась аппетита?

– Нет, из-за своего вранья, – расправив платье, подруга присела на подлокотник кресла. – Я лишилась не только аппетита, но и сна, все время живу в напряжении, пытаюсь не упустить из памяти, чего я там ему такого наговорила. Я потратила половину всех своих сбережений на тряпки и дорогие духи, замучилась выдумывать подробности из нашей с несуществующим мужем жизни и вообще... – она обреченно махнула рукой. – У тебя есть сигареты с ментолом?

– Да, на кухне.

Пока она ходила за сигаретами, я размышляла. Видать молодому человеку удалось сильно вскружить ей голову, раз Тайка пошла на такие нешуточные траты. Даже вечернее платье купила...

– Сена, он настоящий принц, – подтвердила мои худшие опасения вернувшаяся с кухни подруга. – Я запуталась как муха в паутине, не знаю, как все это разрулить. И не говори, что надо было головой думать с самого начала, если бы ты его увидела, ты бы меня поняла.

Что ж, вполне возможно. Тайка курила тонкую длинную сигаретку и выглядела такой подавленной, что я невольно прониклась сочувствием к врунишке.

– Тай, для того, чтобы я могла тебе помочь, я должна с ним познакомиться, да и вообще узнать его получше. Как его зовут?

– Артур.

– Сколько лет?

– Тридцать, а августе тридцать один.

– И что, ни разу не был женат?

– Нет, ищет свою единственную. Кажется, уже нашел... – она с надрывом вздохнула. – У него есть брат Константин, он старше его на два года, у брата жена. Его мама Инга Дмитриевна в прошлом оперная певица, отец Владимир Иосифович генеральный директор цементного завода, увлекается живописью, коллекционирует полотна старинных и современных мастеров. Артур вроде бы работает у отца, интересуется подводными лодками, космосом, спортивными машинами и театром.

Я прямо рот распахнула шире положенного, это ж надо – космосом он интересуется!

– Еще он знает два языка, – продолжала Тая, задумчиво глядя на тлеющий кончик сигареты, – а внешностью похож на молодого Алена Делона.

– И что, у него нет недостатков? – недоверчиво поинтересовалась я.

- Пока ни одного не нашла.
- Так не бывает!
- У нас конфетно-букетная стадия, недостатки появятся позже, если всё не раскроется к тому времени, разумеется.
- Где вы встречаетесь, если ты его к себе не приглашаешь?
- Он водит меня по ресторанам, выставкам, театрам...
- Ты была у него дома?
- Да. Поэтому я смертельно боюсь пригласить его к себе.
- Все ясно. Какой-то он у тебя слишком идеальный получается. Напомни, где вы познакомились?
- Он подвез меня на своей машине.
- Хорошая машина?
- Как думаешь?
- Да, глупый вопрос. А что ты ему наплела про своего мужа? Надеюсь, не сказала, что это Иосиф Кобзон или Никита Михалков?
- Нет, я сказала, что он бизнесмен, у него пять цветочных магазинов.
- Ох, дорогая, даже и не знаю, чем теперь тебе помочь, – призадумалась я. – Он тебе очень нравится?
- Сена, это принц из моих девичьих грез, – простонала Тайка, туша окурков в пепельнице.
- Кстати он не знает, что я курю. И пью. И гадко сквернословлю. И то, что у меня только одно образование, а не четыре, как я сказала. И думает, что мои родители владельцы сети супермаркетов, а не трех продуктовых ларьков, как на самом деле.
- Боюсь, волшебная моя, дело – тухляк, – честно призналась я, хотя мне очень хотелось ее подбодрить и утешить. – Ты слишком круто загнула. Хоть какую-нибудь правду ты ему сказала?
- Да, я честно призналась, что зовут меня – Таисия.
- Хоть на этом спасибо. Ты переодеться будешь или прямо в платье спать ляжешь? Кстати, сколько ты за него отвалила?
- Лучше не спрашивай.
- Осторожно, будто платье было соткано из паутины, Тая сняла его и явила миру такое бельё, что я чуть в обморок не упала.
- И его цену тоже не спрашивай.
- Я и не собиралась, мне было страшно узнать эту цифру. Тая переделась в свою фланелевую ночную рубашку фасона: «близится старость – не радость», жившую в моем шкафу, и отправилась в ванную смывать макияж. В воздухе остался сладковатый аромат Франции. Да, видать Таисия влипла крепче некуда... Мне не хотелось ее расстраивать, но я заранее была уверена, что ничего у нее с этим сказочным Артуром не выгорит. Слишком завралась, на таком песочном фундаменте дворца не возведешь и с принцем в нем не поселишься... господа, ну до чего же все глупо! А вдруг он и вправду Таискина судьба? И так все испортить!
- Вернулась отмытая до блеска Тайка, вид у нее по-прежнему был крайне удрученный.
- Сенчик, ты еще не придумала, как меня спасти?
- Ты знаешь, я себе этого даже представить не могу, – честно призналась я. – Мне нужно на него взглянуть, понять, насколько ты ему небезразлична, чтобы прикинуть, сможет ли он тебя простить, когда откроется правда.
- Завтра мы собираемся в ресторан, думаю, можем пойти втроем.
- Ой, а мне совершенно нечего надеть! – нешуточно заволновалась я. – У меня нет ничего роскошного!
- А тебе и не нужно ничего роскошного, или ты скажешь, что твои родители нашли нефть на своем дачном участке?

– Нет уж, я постараюсь ничего не врать, да и вообще, буду молча слушать ваши разговоры и делать соответствующие выводы.

– Хорошо, – Тая полезла под одеяло на свою половину – к стенке. – Давай спать, уже второй час. Я от этого похода в театр так устала, будто мешки с картошкой таскала.

– А чего такого утомительного было?

Я выключила свет и примостилась с краю. Из прихожей притопаЛ Лавруша и завалился на коврик у кровати. Глубоко, совсем по человечески вздохнул, повозился, укладываясь поудобнее и засопел.

– Утомительного, говоришь? Да абсолютно все, особенно то, что мы постоянно встречали в антракте его знакомых, чинно раскланивались, меня все рассматривали, при этом еще требовалось поддерживать непринужденную светскую беседу. Спектакль мне отчаянно не понравился, но Артур был в полном восторге, и мне пришлось из себя радость вымучивать.

– Почему бы тебе честно не сказать, что спектакль дрянь?

– А вдруг я ничего не понимаю в современных постановках? Хотя я и так не понимаю...

– Как можно все отношения строить на лжи?

– Пока получается, – зевнула он. – Но тяжело, тяжело... спокойной ночи.

– Хороших снов.

Но уснуть я еще долго не могла, все смотрела в невидимый в темноте потолок и думала о Тае и ее Артуре. Я пыталась вспомнить, каким был в молодости Аллен Делон, но никак не могла... похоже, я не видела его в молодости, не смотрела я такие древние картины... Так я незаметно и заснула.

Когда я продрала глаза, Таи уже не было, а на подушке лежала записка: «Помчалась домой переодеться, позвоню, целую». Переодеться! Я вскочила с дивана и бросилась к платяному шкафу. Что надеть в ресторан? Лаврик, удивленный, что я проигнорировала привычную утреннюю траекторию полета – кровать-ванная-прогулка, сел рядом со мной и тоже внимательно уставился в шкаф. Какие страшные старые тряпки предстали моему взволнованному взору! Не то чтобы я совсем уж была нищенкой, но с Тайкиным платьем сравнивать решительно было нечего. Шкаф был набит гардеробом журналистки-автомобилистки-собачницы, ничего вечернего, элегантного и опупенного не наблюдалось. В надежде, что какой-нибудь блистательный туалет все-таки случайно завалился в куче барахла, я принялась за дело – принялась вываливать из шкафа все прямо на пол. И тут Лаврик недвусмысленно дал понять, что хотел бы сходить в туалет.

– Погоди, солнышко, видишь, какое дело важное.

Солнышко улеглось рядом с ворохом одежды и печально вздохнуло. Перерывая тряпки, я вдруг извлекла из кучи какую-то невероятную юбку, будто бы только что позаимствованную из гардероба окончательно обезумевшей цыганки. Длинная, до самого пола, пестрая, черно-красно-желтая, она выглядела так полоумно, что вполне могла сойти за богемный эксклюзив.

– Лавр, гляди, – я тряхнула юбкой, расправляя ее, – как тебе?

Он искоса посмотрел на нее, закрыл глаза и отвернулся.

– Ладно, идем гулять, а то когда ты не в духе, тебе все вокруг не нравится.

Лавр тут же вскочил и радостно замахал хвостом.

Наспех умывшись, я впрыгнула в специальные спортивные штаны для прогулки с масиком, нацепила майку, тапочки, застегнула на лохматой шее ошейник и мы отправились на солнечные просторы.

Пока Лаврик посещал любимые кусты, я напряженно размышляла, представляя себя в этой юбке. Интересно, как отнесется Таисия к моему внешнему виду? Как отреагирует ее бриллиантовый Артур, меня не волновало, отчего-то он мне заранее не нравился. И очень сильно.

Глава третья

Тая позвонила в пять часов и прерывающимся от волнения голосом сообщила, что Артур заготовил в ресторане какой-то грандиозный сюрприз для нее.

– И чего ты так переживаешь? – удивилась я. – Может, он специально для тебя заказал мужской стриптиз, а после преподнесет обручальное кольцо.

– Не ерунди, пожалуйста, – нервничала подруга. – Я так боюсь, что даже не знаю, в чем идти.

– Надень фиолетовое платье.

– Я была в нем вчера в театре.

– Тогда оденься на всякий случай во все черное, мало ли, что там за сюрприз такой.

– Сена, ну вот что ты за человек?

– Ты же посоветоваться хотела, вот я тебе и советую.

– Да, действительно, нашла, у кого совета спрашивать. Значит так, страшный ужин состоится в ресторане «Золотое небо», – и она продиктовала адрес.

– Не знаю, хватит ли у меня денег на вход, – засомневалась я. – Все-таки небо, да еще и золотое.

– Сена, ты серьезно или издеваешься? Я вот не пойму никак!

Голос ее стал нешуточно раскаляться.

– Ладно, ладно, не шипи, во сколько встречаемся?

– Мы будем ждать тебя у входа ровно в восемь ноль-ноль. Если опоздаешь, будешь платить за вход и искать нас по всему ресторану, а там шесть залов.

– Оба-на! А ты там была уже, да?

– Да, – отчего-то горько вздохнула Тая. – Ладно, пойду я копаться в платяном шкафу.

– Бог в помощь, – посочувствовала я, и повесила трубку.

Мне же осталось подобрать к юбке подходящую кофтейку. Майки отметались сразу, они у меня практически все с забавными надписями, и я приступила к рассмотрению блузок. Большинство из них были довольно унылыми и больше подходили к парадной пионерской линейке, нежели к походу в ресторан. Перебирая барахло, я не могла надивиться тому, сколько у меня, оказывается, тряпья, которого я ни разу не надевала, но зато бережно хранила во внутренних шкафах.

Наконец наряд сложился. Я натянула короткий черный топик с серебряной надписью «Death», чтобы прикрыть это жизнеутверждающее слово, поверх накинула тонкую черную рубашку с выбитой вышивкой бледно-зеленого цвета. Вышивка выглядела слегка замогильно, но я надеялась, что сверхпестрая юбка картину скрасит.

До половины седьмого я красилась. Смывала пять раз, все мне казалось, что я недостаточно прекрасна и элегантна. То глаза мне получались слишком сильно накрашенными, то цвета не те... в общем, мучилась как на электрическом стуле. В результате лицо пошло красными пятнами, а веки опухли так, будто я рыдала три дня. Оставалось пойти к холодильнику, наскрести тупым ножом льда из морозилки, завернуть в кусок марли и приложить к лицу. Как следует заморозив физиономию, снова взяла коробочку теней и, трясясь от злости, принялась рисовать в шестой раз. Время поджимало, я нервничала и получалось все хуже и хуже. Окончательно выбившись из сил, оставила все так, как есть и принялась спешно одеваться. На ноги я планировала натянуть свои единственные туфли на высоком каблуке. Эти пыточные колодки я надевала всего один раз, когда мы с Таей выбрались в театр. На обратном пути я вспомнила все известные мне проклятия, в конце концов, не выдержала, сняла их и шла по заплеванным московским тротуарам босиком и пела песни. На этот раз я щедро налила в них

средства для разноски обуви, влезла в эту мокрую каку и поковыляла к выходу. Лаврик гавкнул мне вслед, наверное, пожелал счастливого пути.

О том, чтобы ехать в пыточных туфлях на метро не могло быть и речи, и я отправилась в свой гараж-ракушку. Казалось, моя скучающая по капремонту и хорошей мойке машинюшка, дремала в полумраке.

– Привет, масяня, – я похлопала ее по рыжему капоту, – сегодня мы едем в ресторан, ты рада?

Наверное, «масяня» обрадовалась, потому что завелась с третьего раза, а не с двадцать пятого, как обычно. Закрыв гараж, я села за руль и первым делом сняла туфли, чтобы ноги могли спокойно пожить еще какое-то время. Положив пыточные колодки на сиденье рядом, поставила босые, мокрые от разноски ноги на педали и помчалась к ресторану «Золотое небо».

Ехать я старалась с максимальными предосторожностями, тщательно соблюдая все правила, какие, разумеется, помнила. Лишних денег на задабривания ментов у меня не имелось, хотя я на всякий случай взяла с собой всю наличность, кто знает, как повернутся дела, и что там за сюрприз заготовил Артур. Приторный красавчик Артурчик... Посматривая на светофоры, я рулила и пыталась понять, почему же я заранее так сильно невзлюбила Тайкиного бойфренда? Не думаю, что во мне разыгралась ревность, просто я крайне недоверчиво относилась к таким вот идеальным людям, хотя он мог быть идеальным, только по Таюхиным рассказам, не стоило особо верить на слово влюбленной врунишке. Но, как я себя не уговаривала, Внутренний Голос упрямо стоял на своем и твердил, что Артур мне не понравится, потому что из-за него Тайка будет однозначно несчастна. А когда твой друг несчастен, что в этом хорошего?

Ресторан «Золотое небо» располагался неподалеку от метро «Проспект мира» и имел собственную охраняемую стоянку. Наглухо закамуфлированный охранник увидев мое авто едва удержал на морде лица хладнокровную мину, а когда я еще и поперла на стоянку и вовсе растерялся. Но я с нахальным видом подъехала к шлагбауму и сердито просигналила, открывай, мол, болезный, время дорого. А время и впрямь было дорого – без двух минут восемь. Охранник будто в трансе вошел в будку и открыл проезд. Я лихо порулила вперед, высматривая местечко между сверкающими, как новогодние игрушки лимузинами. Приткнув свой «жоперок» между «Лексусом» и «Мерседесом», я вбила ноги в туфли, прихватила сумочку и полезла наружу.

У входа в ресторан стояла сладкая парочка. Таисия надела белые брюки и ядовито-розовый блузон – этих вещей я раньше у нее никогда не видела, к тому же на ногах у нее красовались розовые туфли на среднем каблучке, а розовый цвет, насколько я знала свою подругу, она терпеть не могла. Рядом с нею стоял стройный молодой человек в летнем костюме оливкового цвета, выглядел он и впрямь как кинозвезда. Я нацепила на лицо самую свою лучшую улыбку и заковыляла по направлению к ним. Ищущий Таин взгляд на миг остановился на мне, и вдруг подруга отвернулась, делая вид, что мы незнакомы. Нифига себе, компот из персиков!

– Тая! – радостно крикнула я и помахала рукой. – Привет!

Ей пришлось повернуться в мою сторону и выдать из себя радостное изумление.

– Ой, Сеночка! Ты вовремя...

А в глазах ее читалось: «ты что ж на себя напялила, змеявка ядовитая, скользкая, страшная»?

– Знакомься, Сена, это Артур, Артур, это моя подруга Сена.

– Очень рад, – он взял мою лапку и поцеловал. – Какое потрясающее, необычное имя!

Он улыбался, сверкая красивыми карими глазами, видимо желая меня обаять и очаровать. С такой внешностью молодому человеку это было раз плюнуть, но здесь он не на ту нарвался, я держалась начеку и поддаваться на провокации не собиралась. Придерживая мою подругу под локоток, Артур повел ее в ресторан, как принцессу Монакскую, мои локотки никого не интересовали, поэтому пришлось идти самостоятельно. Как только мы

переступили порог, я сразу же начала изумляться и восхищаться, да и как тут остаться равнодушной, когда все потолки были золотыми с синими звездами и невиданными люстрами? Обстановочка и интерьер почище музейного, вот уж цены наверное... Мы прошли в зал, выполненный в восточном стиле: мягкие диваны, столики с инкрустацией, резные кабинки, на столах кальяны, стены задрапированы золотистыми тканями – красота неземная, что уж говорить. Артур открыл дверь одной из кабинок, где за столом уже сидели двое – седовласый мужчина и дама с ярко-белыми крашеными волосами, уложенными в пышную прическу. Увидев нас, мужчина привстал, поцеловал руку Тае, мне и сел обратно, а женщина лишь растянула в улыбке бледно-розовые губы. По тому, как напряглась Таюха, я догадалась, что это его достойные родители. Мы чинно расселись, Артур представил меня родителям, затем мужчины раскрыли папки с меню и углубились, а мы с Таей, как по команде, пристально уставились на цветочки в вазочке. Тайка благоухала какими-то сногшибательными духами и выглядела очень симпатично, хотя и сидела так, будто проглотила портновскую линейку. Мужчины сделали заказ, чего они там заказывали я прослушала, потому что всецело была поглощена разбором ситуации и мучилась вопросом: зачем он пригласил в ресторан еще и родителей? В чем радость и веселье? За столом царил противная тишина, лишь Инга Дмитриевна время от времени о чем-то спрашивала Владимира Иосифовича вполголоса. Наконец-то пришел официант, расставил на столе тарелки-бутылки, и публика хоть чуть-чуть оживилась.

– Мама, папа, – Артур поднял свой бокал, наполненный красным вином, – вы, наверное, уже догадались, что собрались мы здесь не просто так, а по очень важному для всех нас, особенно для меня поводу.

Мама и папа уставились на него тяжелыми и очень внимательными взглядами, Тая заметно нервничала, теребя бумажную салфетку.

– Жаль, что здесь не присутствуют Таечкины родители, но хорошо, что есть близкая подруга.

Тут уж и я перепугалась не на шутку, так как была уверена, что сейчас он сделает Тайке предложение, от которого она не сможет отказаться.

– Тая, – кавалер встал и полез в карман пиджака, – я хочу сделать тебе предложение руки и сердца.

Из кармана он извлек коробочку.

– Выходи за меня замуж.

Тая уставилась на него широко распахнутыми шоколадными глазами. Рот ее слегка приоткрылся, и я забеспокоилась, что сейчас оттуда потечет струйка слюны. Воцарилась ужасная тишина, другого слова и не подберу. Теперь маман с папаном выглядели так, будто скушали по портновскому метру и утратили способность сгибаться. Какая уж тут еда, никто даже к вилкам не притронулся, даже вина не пригубил. Кроме меня, я слегка глотнула, дабы унять сухость в горле, вызванную волнением... да что там волнением – самым настоящим шоком. Мою Таюху сватают! Артур открыл коробочку, достал офигенное кольцо, усыпанное белыми и розовыми камнями, и протянул Тае. Она не шелохнулась, вид у подруги был как у неожиданно облитого водой суслика – она пребывала в полном ауте и ничего не соображала. И тогда я решила напомнить о себе. Сняв с ног туфли, чтобы не мешали течению разумных мыслей, я открыла рот, но не успела ничего произнести. Из-за стола поднялся глава семейства и с официальной улыбкой произнес:

– Это конечно очень интересно. И надо сказать неожиданно. Артур, как всегда, забыл предупредить нас о таком м-м-м... важном событии, мы бы выкроили побольше времени. Нам, к сожалению, надо уезжать. С вашего позволения мы с супругой откланяемся, Артур, ждем тебя дома.

– Да, – сухо кивнула маман, – до свиданья, девочки.

– Всех благ, – ответила я за себя и Таю.

Двери кабинки закрылись за важной четой, и мы остались втроем.

– Не обращай на них внимания, – Артур поставил коробочку на стол и взял Тайку за руку. – На самом деле они рады, просто им нужно время, чтобы привыкнуть к мысли, что я хочу на тебе жениться. Ты еще не ответила, ты выйдешь за меня?

Тая оторвала взгляд от кольца из белого и желтого золота, судорожно сглотнула и посмотрела на меня. В этом взгляде было столько всего, что стало очевидно – пора вмешаться. И я сказала:

– К-хе, к-хе.

– Сена, – вспомнил о моем присутствии жених, – вы Тае близкий человек, может, хотя бы вы обрадуетесь?

Я честно сказать, совсем не была рада, то есть вообще, даже и не знаю почему, как-то это все слишком уж быстро...

– Тая? – Артур видимо окончательно растерялся. – Ты выйдешь за меня?

– Я не знаю, – пролепетала подруга с самым несчастным видом.

– Нам надо в уборную, – нашла я самый оптимальный выход. – Тая, идем, освежимся.

Подруга послушно стала выбираться из-за стола, опрокинула свой бокал вина и даже не обратила на это никакого внимания. Я воткнула ноги в туфли, прихватила сумочку и поковыляла за новоиспеченной невестой.

Глава четвертая

Закрыв за собой дверь, мы очутились в ослепительном туалете. Тая подошла к зеркальной стене и пристально уставилась на свое отражение. На ее щеках медленно проступали лихорадочные красные пятна. Я терпеливо ожидала, пока она обретет способность к логическому мышлению и связной речи. Тая молчала, в прострации таращась в зеркало, и тогда я решила ей помочь, задавая отвлеченные несложные вопросы.

– Тая, откуда у тебя эти розовые туфли и розовая кофта?

– Соседка дала.

– Марья Степановна?

– Да нет же, Лика, моя соседка сверху.

– Лика? Двухметровая спортсменка? И тебе впору ее туфли?

– Нет, я натолкала ваты, а кофту кое-где наживила нитками, чтобы не висела. О, господи, Сена, о чем мы говорим! Ты скажи, что мне делать? Вот как ты скажешь, так я и поступлю!

Ага. Ловко. В любом случае крайней окажется я.

– Ты его любишь?

– Дай сигарету, – вздохнула подруга. – Мы знакомы две недели, целовались только в щечку при прощании, я была у него дома один раз, мы чинно и благородно пили чай с какими-то мерзкими творожными пирожными, и еще я страшно не понравилась его родителям.

– Они так и сказали: «девушка, ты страшно нам не нравишься»?

– Нет, конечно, они культурные люди. Ты же видела сегодня, они чуть под стол не попадали, когда Артур за коробкой полез, но приятные лица сохранили, только убежали очень быстро, видать, чтобы не устроить смертоубийство прямо в ресторане. Даже есть не стали.

– Ничего, они устроят сынишке смертоубийство дома. Так что, ты его любишь?

– Честно сказать, не знаю, говорю же, мы слишком мало знакомы. Я о нем знаю только то, что он мне сам рассказывал, а обо мне он вообще ничего не знает, только мои сказки вральные.

– М-да, – я глубоко задумалась, стряхивая пепел в металлическую урну. – Странно, что он так быстро сделал тебе предложение, очень странно.

– Сама изумляюсь. Я в полном потрясении. Что делать?

Я призадумалась. Ситуация действительно была внештатной, на ее обдумывание желательно потратить вечерок-другой, но времени не было, в зале сидел Артур со своим кольцом и от нашего решения зависело, останутся ли бриллианты у него или перекочат к Тае.

– Тая, – откашлялась я, бросая окурочек в урну, – это все очень и очень странно, к чему такая спешка? Она потребна только при ловле блох. Ты говорила ему про мужа неврастеника, вот и держись этой линии, скажи, что ты еще не совсем развелась, потяни время, выясни, почему он так торопится. В конце концов, ты практически профессиональный детектив, тебе это раз плюнуть.

– Думаешь, в этой ситуации есть что-то подозрительное?

– Тая, а он вообще похож на безумно влюбленного? Я с первого взгляда не могу определить.

– Да как сказать... – Тая глубоко задумалась, – не знаю. Он очень такой, знаешь ли, весь светский, галантный, предупредительный, я не пойму...

Она расстроилась и занервничала. В туалет зашли две громко разговаривающие между собой дамы, наше уединение бессовестно нарушили.

– Значит, говоришь тянуть время? – Тая переминалась с ноги на ногу у двери, никак не решаясь выйти.

– Пока это единственное, что приходит на ум.

– Ладно, – вздохнула она и оглядела меня с ног до головы. – Сена, зачем ты оделась как городская сумасшедшая? Почему ты так со мною поступаешь? Что я тебе сделала плохого?

– Клянусь, в моих действиях не было злого умысла, – развела я руками. – Я перерыла весь шкаф и выбрала самое богемное, какое только смогла найти.

– Надеюсь, ты хотя бы приехала на метро?

– Нет. Прости, я приехала на своей машине.

На лице Таи возникло выражение такой тоскливой обреченности, что я устыдилась.

– Могу уйти пораньше, и он не увидит моего автомобиля, – принялась я успокаивать нешуточно огорченную подругу.

– Хорошо. Я к тебе приеду сегодня, ладно?

– Какие могут быть вопросы, конечно, приезжай, мой дом – твой дом, ты же знаешь это.

– Спасибо, дружочек.

Тая открыла дверь и медленно, деревянной походкой пошла в зал. Громко стуча каблучками и припадая на обе ноги, я последовала за нею.

Артур всю наворачивал какой-то пышный салат, коробочка по-прежнему стояла на столе, но была закрыта. Он не выглядел ни расстроенным, ни радостным, его красивое лицо было просто спокойным. Увидев нас, он улыбнулся молча, так как рот его был забит салатом. Тая присела на свое место, красные пятна с лица ушли, вроде бы ей удалось взять себя в руки. Меня же немного познабливало от нервного возбуждения, но больше пить было нельзя, все-таки я за рулем.

– Таечка, – сказал жених, протолкнув глотком вина салатик в пищевод, – суждено ли мне наконец дожждаться твоего ответа?

– К чему такая спешка? – встряла я.

Артур перевел на меня взгляд и зафиксировал его где-то у меня на лбу. Ощущение мне не понравилось.

– Видите ли, – полезла я головой в печку, – у нее очень сложная ситуация дома...

– Да, да, я в курсе.

Ненавижу, когда меня перебивают.

– ...муж не хочет разводиться, официально Тая еще замужем, так что пока она не может принять вашего предложения.

– Но могу я хоть что-то услышать из уст самой Таи?

Или мне показалось, или в его приятном баритоне и впрямь прозвучало раздражение?

Тая хлебнула винца, перевела дух и выпалила:

– Сена права, я должна сначала решить ситуацию дома...

– С разводом, с оформлением всех бумаг я могу уладить вопрос в три дня, – пожал плечами Артур. Он не сводил с Таи своих ясных глаз. Мне казалось, что мы все втроем снимаемся в каком-то сериале, не хватало только окрика: «Стоп! Снято!».

– Я не могу вот так сразу из одного брака в другой, – окончательно пришла в себя подруга, – нужно сделать какую-то паузу...

Артур смотрел на нее, не моргая, ему требовалось поговорить с Таей, но мешало мое присутствие. Я чувствовала себя настолько лишней, что решила сворачивать снасти и грести до дому.

– К сожалению, мне пора, – поднимаясь, я с тоской посмотрела на полные тарелки, на разнообразные яства, коих мне так и не довелось попробовать. – Спасибо за хороший вечер, все было очень вкусно.

Голодный желудок громко сказал: «Дбр-р-р!»

– Уже уходите? – Артур даже не посчитал нужным скрыть свою радость. – Как жаль.

– Мне тоже, но у меня неотложные дела, надо спешить. Таечка, чмок, чмок, Артур, до свидания, рада была познакомиться.

Мы взаимно расшаркались, я послала подруге успокаивающее сообщение на «мозговой пейджер», и почесала на выход. Ноги немилосердно жало, давило и терло во всех труднодоступных местах, я еле доковыляла до стоянки. Сунув камуфлированному квитанцию, я поползла к любимому транспорту, всей душой и телом страстно желая разуться. Осторожно, чтобы не повредить соседние авто, я открыла дверцу, уселась на сидение и с наслаждением сбросила с ног проклятушие туфли.

– Ох, какое счастье!

Сунув ключ в замок зажигания, я собралась было его повернуть, как вдруг в окно постучали. Я подняла взгляд, ожидая увидеть камуфлированного, но это, как ни странно, был отец Артура. Я очень удивилась, так как думала, что они уже сто лет назад как уехали.

– Да? – я опустила стекло.

– Простите, не напомните вы ваше имя?

– Сена.

– Ах, да, простите, просто очень редкое. Сена, вы можете уделить мне минутку?

– Да, конечно.

Совать распухшие ноги в пыточные туфли я не хотела морально и не могла физически, поэтому я вышла из машины босиком, но озабоченному своими проблемами Владимиру Иосифовичу не было никакого дела до моих ног.

– Хотите, здесь поговорим, хотите, сядем в мою машину.

Я выбрала поговорить здесь, в его машину мне почему-то не хотелось садиться.

– Видите ли, Сена, – он достал из кармана рубашки пачку каких-то невиданных сигарет и зажигалку, – вы не подумайте, я не имею ничего против вашей подруги, нет, она очень милая девушка, просто то, что делает Артур нехорошо в первую очередь по отношению к Тае. Вы курите?

Я кивнула, и он протянул мне пачку. Цапнув одну сигаретку, я прикурила от его солидной золоченой зажигалки и едва не раскашлялась прямо в его интеллектуальное лицо – сигареты оказались безумно крепкими.

– Так вот, – продолжил Владимир Иосифович, – дело в том, что у Артура есть невеста. Быть может, даже ее знаете, это молодая талантливая певица Аида. Просто около месяца назад они сильно разругались, и он решил, что женится ей на зло, едва ли не на первой встречной. Вы понимаете, почему я не обрадовался сегодняшнему известию?

– Да, – хрипло выдавила я, пытаясь выкашлять дым и оставить на месте легкие. – А если Тая согласится?

– Надеюсь, вы с нею поговорите на эту тему. Я не хочу, чтобы у нее остались дурные впечатления о нашей семье, постарайтесь сообщить ей это как можно деликатнее.

– А если у них любовь?

Я набрала полный рот дыма и тут же выпустила его наружу, не впуская внутрь.

– Господи, – усмехнулся папа, – какая может быть любовь за такое короткое время! Артур просто хочет досадить Аиде.

– А он вообще отдает себе отчет в своих действиях? Если Тая в него влюблена, вы представляете, как она себя почувствует? Он ведь кольцо ей обручальное преподнес, с такими вещами не шутят. Как можно назло кому-то создать семью?

– Артур своенравный мальчик.

«Ничего себе мальчик, – подумала я, – уже тридцатник разменял и все в памперсы шкодит?»

– Он привык всего добиваться, если что-то решил, вбил себе в голову, то отговаривать его бесполезно. Ваша подруга должна сама прекратить с ним встречаться, он сделает еще пару попыток и оставит эту дурную затею.

Ах, значит, моя подруга – дурная затея? А ваш глупый Артур разве не дурной? Вот ведь гадкая семейка, ну и влипла моя дорогая Таюха. Выходит, правильно я напрягалась с самого начала.

– Я, конечно же, поговорю, – я открыла переднюю дверцу, давая понять, что пора расставаться, – но и вы будьте добры, проведите со своим сыном профилактическую беседу на тему, что так с людьми поступать нельзя.

Он глубоко затаился, глядя на меня холодными глазами свинцового оттенка, видать ему совсем не улыбалось слушать от меня жизненные наставления. А мне не хотелось уважать ни его, ни его великосветское семейство. Я села за руль, выбросила в окно его сигарету, сердито, с первого раза завела свой таранасик и в преотвратнейшем расположении духа поехала прочь от «Золотого неба».

Глава пятая

Когда до дома оставалось километра два, меня остановил ментище. Правду говорят – беда не приходит одна. Я сделала жалостливое лицо и полезла из машины босиком, эдакая селянка на сенокосилке. Ментик представился, пристально разглядывая мои босые лапы, и началось: машина грязная, техосмотра нет...

– Как этот агрегат у вас вообще ездит? – презрительно подвел он итог.

– Попердывая, – огрызнулась я, извлекая из сумки кошелек. – Сколько?

– Сейчас выпишу штрафную квитанцию, – растягивая удовольствие, полез за планшетом гад ползучий, – оплатите через банк. Еще посмотрим, есть ли аптечка...

– Послушайте, – заскулила я, готовясь к утрате человеческого достоинства, – клянусь, завтра помою ее и отвезу... то есть, отвезу... короче съезжу на техосмотр. Просто сейчас у меня денег нет, сами видите, – я зачем-то показала ему босую ногу. – Были бы деньги, неужто я ездила бы на такой машине?

Но ему было все равно. Этот крохобор забрал все, что было у меня в кошельке – триста рублей, причем двадцатку пришлось натрясти мелочью, и отпустил восвояси. Завывая от ненависти и бессилия, я вцепилась в баранку и рванула домой. День складывался весьма дурно.

Не успела я переступить порог родного дома, как начал надрываться телефон. Не ожидая ничего хорошего, я стала пробираться к аппарату, пытаясь отодвинуть в сторону радостно приветствующего меня сенбернара. Подняв трубку, хотела сказать «Алло», но громкий голос Конякина меня опередил:

– Сена! Чтобы завтра ты была на работе!

Я лихорадочно кое-что прокрутила в уме и возмутилась:

– Помилуйте, сегодня же суббота, следовательно, завтра...

– Так я и знал, что ты забыла! Мы же переезжаем в новый офис!

Ах, да, и впрямь вылетело из головы. Станислав Станиславович выбил нам другое помещение, побольше, попросторнее, с двумя маленькими кабинетиками. В один планировалось заселить непосредственно начальство, во второй собирались засунуть с глаз долой из сердца вон Тину Олеговну. Значит, завтра предстояло таскать компьютеры, разбирать стеллажи с бумагами... мрак.

– Разве нас пустят в здание? – попробовала понадеяться я на то, что катастрофы еще можно избежать.

– Разумеется, я договорился с охраной, нам откроют здание! Не опаздывай, сбор в десять ровно! Учти, я звоню всем и предупреждаю каждого, что никто ничего носить за кем-то другим не станет, только сами!

– Все ясно, – упавшим голосом сказала я. – Буду в срок.

– Как штык! – приказным тоном добавило чудовище.

Положив трубку на рычаг, я хотела немного порыдать от безысходности, но надо было вести Лаврентия на прогулку.

Гуляние я решила совместить с походом в магазин. Рассказывать Тае о том, что она, оказывается, дурь и первая встречная, на ком этот козел решил жениться, чтобы отомстить какой-то певичке, лучше всего было под красное вино. Тряхнув заначку, мы пошли с Лаврентием во двор. Пес чувствовал мое поганое настроение и вел себя чинно, тихо, с поводка не рвался, не бесился, к прохожим с желанием подружиться не лез. Привязав его у входа, я вошла в магазин, мысленно распределяя средства, дабы на все хватило. Встав в короткую очередь, я вытянула шею, глядя в окно, не пристала ли какая-нибудь балда к моему Лаврентию. Меня очень сильно раздражали мамыши с детьми, стоило им притормозить рядом с собакой, как детеныш начинал визжать: «Бетховен! Бетховен!» и тянул руки прямо к морде, норовя погладить. Ладно,

ребенок, он бестолковый, не понимает, что «Бетховен» укусь-то может и не укусит, но так гавкнет, что будешь писаться до самой армии, а мамаша-то что? Стоит, улыбается, сюсюкает... дура. Сколько раз уже такое было, никак я этих мам понять не могу. Ведь собака сидит и ростом как раз с твоего отпрыска, у него голова больше твоей, хозяина нет рядом, так зачем же зверю в морду руками тыкать? Разве «Бетховену» такое понравится?

Размышляя на эту тему, я закупила скромный набор «начинающий алкоголик» и вышла на улицу. И как раз вовремя. К Лаврику широким шагом направлялся толстощекий карапуз.

– Шабак! – пуская сопли, орал он, захлебываясь от восторга, следом плелась его мамаша, не делая ни малейшей попытки остановить свое детище.

– Женщина! – я поставила пакет на асфальт и взяла Лавра за ошейник. – Придержите своего ребенка! Куда он к собаке лезет? Видите же, что без намордника пес!

– Ромик, – соизволила тетка, – не ходи туда, собака плохая, собака укусит! Фу, какая гадкая собака!

Я едва сдержалась, чтоб не нагрубить.

Придя домой, напоила, накормила Лаврушу, убрала вино в холодильник и принялась готовить вкусный ужин, желая всячески подсластить пилюлю Таисии. Неизвестно как она, бедненькая, отреагирует на такие неприятные новости. Я снова и снова вспоминала породистое лицо отца Артура, и мне все больше и больше становился неприятен этот человек, хотя ничего ужасного он, в сущности, не сделал, напротив, попытался спасти ситуацию. Но все равно, как-то это все очень уж противно.

– А вдруг Тая приняла его предложение? – обратилась я к сковороде с яростно шипящей картошкой-фри. – Вдруг она вернется счастливая и с обручальным кольцом на пальце?

В глубочайшей тоске я вывалила на соседнюю сковороду длинные мясные ломтики с луком и принялась смешивать соус из сметаны, майонеза, зелени и чеснока. Во время неторопливого приготовления пищи на меня снисходила некая благодатная нирвана, приходили в порядок мысли, движения становились неторопливыми, расслабленными, я будто бы медитировала над сковородками. И даже ужасные на первый взгляд ситуации переставали таковыми казаться...

Вдруг Лаврик гавкнул и поспешил в прихожую, и я поняла, что к нам гости, вернее, гостья, скорее всего – Тая. Она открыла дверь своим ключом, и крикнула:

– Сенка, это я!

Голос ее звучал весело и жизнерадостно. Я помешала мясо и попыталась придать своему лицу оптимистическое выражение. Тайка залетела на кухню и тут же заподозрила неладное.

– Сена, что случилось?

– С чего ты...

Она открыла холодильник и увидела на верхней полке две бутылки вина.

– Лучше всю правду сразу!

– Просто хочу приготовить нормальный ужин, сама же ныла, что тебе надоели мои пельмени и лапша.

– Не обманывай меня, – подруга присела на табурет у окна, – я тебя насквозь вижу.

Я посмотрела на Тайкины руки. На безымянном пальце правой сверкало кольцо с белыми и розовыми камнями.

– Ты согласилась? – изумилась я. – Согласилась выйти замуж за практически незнакомого тебе человека?

– Видишь ли, – возвела глаза к потолку подруга, – мы договорились, что это будет что-то вроде помолвки, а поженимся мы в августе.

– Какого года?

– Этого, разумеется.

– Через полтора месяца?

Я помешала зарумянившуюся картошку и выключила конфорку, мясу еще предстояло помучиться.

– И что такого? – сразу же начала пылить Тайка. – Люди вон годами встречаются, думают, что знают друг друга, а когда женятся, принимаются бить друг дружке лица! А бывает так, что бац – и любовь с первого взгляда, и они жили долго и счастливо...

– И застрелились в один день. Тая, ты же разумный человек...

– Сена, видишь это кольцо? – она подняла руку. – Это белое и желтое золото, а эти камешки – белые и розовые бриллианты. Ты не представляешь, сколько стоит это кольцо, такая сумма не поместится в твоём мозгу ни вдоль, ни поперек. Меня уговаривает выйти за него замуж прекрасный принц с большими бабками, а я что, должна соорудить козью морду и отказаться? Или мне шестнадцать лет? Или у меня пруд пруди кавалеров? Может, ты мне завидуешь? А?

Какая мерзость! Ну, держись, я сейчас все тебе выложу, как на исповеди!

Я извлекла из холодильника бутылку вина и злобно ее открыла, затем не менее злобно налила полный бокал и поставила перед Таюхой.

– Это зачем еще? – повела она курносый носом. – Что случилось? Я же чувствую, что-то стряслось!

– Говоришь, колечко у тебя звезданутое, да? – я выключила мясо и еще раз тщательно перемешала соус. – А что если куплено изначально оно было не для тебя, а для другой девушки?

– Ты это о чем?

– Ты пей винцо, пей.

– Я пью, пью... – Тайка малость поостыла и насторожилась. – Ну?

И я во всех подробностях передала ей разговор с отцом Артура. Под заключительный аккорд про певичку, поставила перед нею тарелку с картошкой, мясом и соусом. Хорошая еда – лучшее успокоительное для разбитого сердца. Я так думаю.

Когда я закруглилась, воцарилась тишина, нарушаемая лишь доносившимся из прихожей храпом Лаврентия. Тая глотнула вина и в задумчивости уставилась в окно. Я боялась, что она заплачет, но подруга совершенно спокойно произнесла:

– У тебя есть в телеке музыкальный канал?

– Есть.

– Идем, буду смотреть его до тех пор, пока не увижу эту Аиду.

– Я тебе и так могу ее показать. Наша газета о ней писала, давала фото на вторую полосу, что-то там было мистического в жизни этой Аиды. Если завалялся номер...

– Давай, заодно включи музыкальный канал.

Тая продемонстрировала невиданное хладнокровие, немного не характерное для ее взрывной натуры.

Пока я возилась в большой картонной коробке с ворохом газет, – преимущественно это были старые номера нашего легендарного «Непознанного мира», из кухни потянуло сигаретным дымом. Таиска переживала... молча и гордо. Мне стало ее жалко и одновременно немного завидно, со мной еще таких историй не происходило, такие кольца не дарили и вообще, кажется, жизнь стремительно проходила мимо...

Как раз таки номера с Аидой и не нашлось, я включила телевизор, отыскала музыкальный канал и сделала звук потише.

– Нашла? – явилась Тая.

– Увы и ах, должно быть выбросила, но завтра мы на работе переезжаем, будем перерывать все бумажные залежи, обязательно найду этот номер, кажется, он выходил в марте, но могу ошибаться.

– Ты знаешь, – Тая плюхнулась в кресло, – у меня как-то в голове это все не укладывается. Неужели взрослый, разумный человек может так поступать? Это же форменное свинство. Да и зачем так мощно тратиться?

– Возможно, это тоже из чувства мести, мол, тебе, Аида-друида этого кольца не достанется, я его первой встречной презентую.

– Как-то все это глупо, – вздохнула подруга. – Артур утверждает, что любит меня.

– Что еще он должен утверждать? Интересно, как Артур заговорит завтра, ведь сегодня с ним должна будет пообщаться семья. Судя по свинцовому взгляду папаши, он может вытрясти душу из кого угодно, особенно, если дело касается женитьбы сына. Женитьбы на тебе.

– Чем это я плоха, а?!

– Не кричи, ты сама знаешь, чем! Враньем своим бессовестным!

– Я верну ему кольцо, – скисла Тая, – и скажу, что мы больше не увидимся. Никогда...

– Сказать-то скажешь, – я бойко сваливала газеты обратно в коробку, – а вот кольцо можешь не отдавать. Оставь себе за моральный ущерб.

– О, да ты права, дорогая! – она подняла руку, кольцо засверкало, разбрасывая тончайшие острые молнии в солнечном луче, падающем из окна. – Как думаешь, имеет смысл показать его ювелиру для проверки на подлинность?

– Вне всяких сомнений. Жаль, нельзя отвести куда-нибудь человека и проверить его на подлинность, проверить все его чувства.

– Для этого, кажется, уже изобретен детектор лжи.

– Ах, да. Я как-то и забыла совсем.

Глава шестая

Музыкальный канал мы честно и добросовестно глядели до полуночи, но певицу Аиду так ни разу и не увидели. Видать ее популярность была в прошлом, или же еще в будущем. Но Тае очень сильно хотелось на нее посмотреть, ради этого она даже согласилась поехать вместе со мной на работу и покопаться в газетах, делая вид, что помогает переезду.

– Давай спать, что ли? – я уже просто не могла смотреть на это бессмысленное мелькание мальчиков и девочек с одинаковыми прическами, телами и лицами. Казалось, все они поют одну бесконечную ужасную песню и никак не могут остановиться. Не получается у них...

– Давай, – зевнула Тая.

Тему фальшивого принца, его семьи и несостоявшейся невесты-певицы мы закончили обсуждать минут двадцать назад, больше мусолить это не хотелось. Тема уже внушала отвращение.

Пока я раскладывала диван и стелила постель, Тая смыла шикарный макияж и переоблачилась в свою уютную кружавчатую рубашку с бабочками. Когда наступала весна, она привозила ко мне эту рубашку, когда поджимал ноябрь, кружева уезжали на Академку, а взамен приезжала фланелевая с розами и маргаритками. Четверть моего шкафа забито Тайкиной одеждой, я порой даже не знаю, где чьи вещи.

Выключив свет, я примостилась с краю и натянула махровую простыню, заменяющую летом одеяло.

– Все-таки хорошо, что это было.

– Что? – я повернулась на бок, пытаюсь рассмотреть в темноте Тайку.

– Артур, его ухаживания, эти две недели. Это было здорово, и хорошо, что я ничего не рассказала ему о себе, получается – мы квиты. Просто поиграли и разошлись, никто никому ничего не должен. Только вот кольцо...

– Если у него хватит наглости попросить его обратно, я сама могу ему отвезти и бросить в рожу, тебе не обязательно будет с ним встречаться.

– Ладно, поживем-увидим, давай спать, а то завтра в редакцию опоздаем.

– Не передумала ехать со мной?

– Нет, помогу тебе с переездом.

– Спасибо, друг.

– Не за что. Спокойной ночи.

В восемь утра заголосил будильник, и сразу же оживился Лаврентий в предвкушении прогулки.

– Я выведу его, – с тихим вздохом произнесла Тая.

Она лежала на спине и смотрела в потолок на мою пыльную пятирожковую люстру из сиреневой пластмассы.

– Давно не спишь? – приподнялась я на локтях.

– С половины шестого.

– Чего так?

– Думаю.

Даже и не надо было спрашивать, о чем.

– Тай, ты же сама говорила – хорошо, что такое с тобой случилось. Главное, все обошлось с минимальными потерями, а представь, если бы ты вышла за него замуж.

– Если бы я вышла за него замуж, – перевела она на меня взгляд печальных глаз, – мы поехали бы в свадебное путешествие, в кругосветный круиз.

Такую жирную карту мне нечем было крыть, не придумали еще такого туза.

– Это он тебе сказал?

Тая отвернулась к стене и не ответила.

– Идешь гулять с Лавром? – вздохнула расстроенная я.

– Иду, – глухо ответила Тая.

Подруга быстро поднялась и, не глядя на меня, пошла в ванную. А я осталась с неприятным ощущением, будто это я собственноручно развалила ее шикарную свадьбу.

Они ушли, а я, вся в невеселых думах, отправилась умываться. Размышляя над тем, что кофе вреден, но вкусен, я завершила омовение и направилась было на кухню, как вдруг мое внимание привлекла трель мобильного. Трель доносилась из Тайкиной сумки. Скорее рефлекторно – телефон звонит, значит надо ответить – я полезла в сумку и достала аппаратик. На дисплее высветилась надпись: «Артур-мобил». Я нажала на кнопку ответа и отчего-то хриплым басом произнесла:

– Да?

– Таечка, здравствуй, – произнес негодяй. – Не разбудил?

– Нет.

– Замечательно, слушай, я взял два билета в театр Гоголя, отличная пьеса, я ее уже видел, но хочу посмотреть еще раз с тобой. Как обычно в семь часов. Ты пойдешь?

– Не знаю, – я пару раз кашлянула в трубку, – похоже, заболела.

– Заболела? Температуру мерила? Давай я подвезу все необходимое!

Слушая его, я смотрела на облупившуюся во многих местах обувницу-калошницу и не знала, что и отвечать влюбленному, заботливому жениху. Чужому жениху.

– Перезвоню, – наконец брякнула я и нажала на отбой.

Телефон практически сразу зазвонил снова. Я опять нажала на отбой и убрала его обратно в сумку. В конце концов, мне хотелось кофе.

Я уже допивала большую чашку ароматного напитка, когда наконец-то вернулись Тая и сладкий. Пока Лаврентий шумно пил воду из своей поилки – небольшого эмалированного тазика, я честно передала ей наш короткий разговор с Артуром. Ожидая, что сейчас она изрыгнет громы и молнии, порицая мою самостоятельность, я на всякий случай отошла к окну (кто знает, может, придется выпрыгивать), но она посмотрела на Лаврентия, взяла его полотенце и тщательно вытерла мокрую собачью морду. Затем сказала:

– Странно... выходит, отец не задал ему жару?

– Не знаю, но разговаривал он как ни в чем не бывало. Пойдешь в театр?

– Я перезвоню. Давай скорее собираться, а то опоздаем.

Я хотела спросить, куда, собственно, мы едем, но вовремя вспомнила куда. Сегодня же перебираемся в новый офис.

Чтобы успеть стопроцентно, добраться решили на метро. Настроение было задумчивое, лица лиричные – обе размышляли на одну и ту же тему. Покачиваясь на диванчике в вагоне, я пыталась понять, что происходит? Если отец не стал разговаривать с Артуром, то зачем он ждал у ресторана? И кого именно желал выловить? А если бы мы уехали все втроем? Если бы, да кабы... Но, касательно возможной свадьбы настроен он был резко отрицательно, и если не стал говорить с Артуром, то... почему? А если поговорил, то причем тут билеты в театр? Или он и вправду влюблен в Таюху? Я скосила глаза и посмотрела на ее курносый профиль. Не нравилась мне вся эта история, хоть плачь.

У дверей издательского дома «Комета», где изволила влачить свое жалкое существование наша трупная газета, топтался Влад, посасывала папироску Тина Олеговна, ругался с кем-то по мобильному художник Лёвик Иловайский и, собственно говоря, все, больше никого не было. Отсутствовал Дима – наш корректор, дизайнер и верстальщик, а так же бледная и молчаливая, как арестованный лебедь Оксана Макакина – ответственная за криминальный раздел. Она у нас работала сравнительно недавно, ведь раньше вся газета была посвящена исключительно аномальным явлениям. До встречи с Оксаной, я могла бы подумать, что девушка с такой

блеклой, будто выцветшей внешностью и фамилией «Макакина» просто обречена на неудачную жизнь и неуклюжую судьбу, однако юная леди вполне вписалась в историю. Она относилась к жизни с удивительным пофигизмом, и, наверное, из-за этого у нее все получалось, ко всему вдобавок у барышни оказался симпатичный состоятельный супруг. У нас Оксана работала только потому, что не хотела сидеть дома и терять журналистский стаж, а так вполне могла бы ничего не делать и заниматься только своей персоной. Короче, в нашей газете Оксана нашла свое место под солнцем.

Я со всеми поздоровалась, и посмотрела на часы: 10.05.

– Где Конякин?

Целое пятиминутное опоздание нашего патологически пунктуального начальства не могло не удивлять.

– Сами поражаемся, – пожал плечами Влад, – без него охрана нас внутрь пропускать не хочет. А чего это вы, девчонки, какие-то коматозные?

Тая подняла на него взгляд влажных карих глаз и прошептала:

– Я на жизненной распутице пребываю.

Тина Олеговна моментально развернула свои слуховые локаторы в нашу сторону, вот ведь всегда есть человеку дело до чужих проблем, своих что ли не хватает?

Влад взял нас обеих под руки и отвел в сторону.

– Вы опять во что-то серьезное влипли?

В очках его глаза казались большими и добрыми. Мне захотелось поплакать, но я сдержалась. Тая молчала, тогда я решила ответить вместо нее:

– Тае замуж предлагают, а мы не знаем, стоит ли соглашаться.

– Приличный хоть человек?

– Непонятно.

– Богатый?

– Неизвестно.

– Он хотя бы не негр?

– Причем тут негр? – подала голос Тая. – Почему обязательно – негр?

– Ну, хоть что-то вы должны же о нем знать, вот я и спрашиваю, белый ли он.

– Как снег.

– Большой, что ли или из Питера?

– Отойдем, Сена, – процедила Тая. – Отойдем, пока я ему в лицо не вцепилась!

Мы отошли, но обуреваемый любопытством Влад потащился за нами. И тут я увидела наше начальство. Конякин резво скакал со стороны метро и весь был какой-то всклокоченный, лицо как-то набок, рубашка колом, брюки застегнуты где-то подмышками, иными словами вид Станислав Станиславович имел очень творческий и крайне порывистый. Приветственно кивнув работникам ножа и топора, он полез было к охране с претензиями, но нам мгновенно открыли все двери, не желая связываться с Конякиным.

– Так, – командным голосом произнес наш предводитель, – для начала идемте, осмотрим новое помещение, распределим, кто, где разместится.

Начальству опаздывать можно, оно вообще, как известно, не опаздывает, оно, задерживается. А любого из нас он растерзал бы на месте за трехминутную паузу. Хотя кто его знает, может в такой газете, как наша и необходима железная дисциплина, иначе вообще все развалится. Стоит отдать должное С. С., за время его царствования наш разгильдяйский коллектив и впрямь стал более подтянутым и работоспособным, по крайней мере, расслабляться Конякин нам не позволял. По его словам, мы вот-вот должны были вывести нашу газету на прямо таки межпланетный уровень популярности и тогда у нас появятся реальные возможности и увеличить тираж, и огрести невиданные богатства, и, наконец-то, нанять еще людей, чтобы больше не приходилось работать каждому за троих.

Наш новый офис располагался этажом ниже старого, я этому даже обрадовалась, на втором этаже размещалась бухгалтерия и касса, значит, можно будет раньше всех оказываться у заветного окошечка выдачи денег.

Мы шли все дальше и дальше по направлению к курилке и туалету, и я уже начала беспокоиться. Когда миновали предпоследнюю кабинетную дверь, и Конякин стал притормаживать, беспокойство усилилось. Так и есть, наш новый офис располагался в самом хвосте впритык к мужской уборной. Лица у трудового коллектива вытянулись, как по команде. Конякин или делал вид, или же вправду не замечал нашего резко потускневшего настроения. Он открыл дверь и широким царским жестом приказал войти. Наступая друг другу на пятки, мы вошли в нашу новую обитель. Сначала попадали в предбанник, созданный для секретарши, по левую сторону предбанника располагалась дверь в кабинет начальства, по правую сторону – вход непосредственно в помещение офиса, не очень большого, но зато с пятью столами. И уже в офисе была еще одна дверь в крошечный закуток, его вполне можно было использовать как кладовку. Или же, как кабинет Тины Олеговны, подумаешь, окон нет и одна стена общая с мужским туалетом, отличный кабинет можно сделать, обладая большим желанием и смекалкой.

Осмотрев новый офис, мы все сгрудились в предбаннике, и Конякин вдруг сказал удивительное:

– А сюда мы посадим секретаршу.

Мы замерли. Неужто наши газетные дела выправились до такой степени?

– Разве можем позволить себе секретаря? – очнулась первой Тина Олеговна.

– Да, – гордо выпятил грудь С. С. – Можем! А теперь за дело!

Глава седьмая

Мы бодро устремились на второй этаж за своим барахлом. Я бежала впереди всех, надеясь успеть занять приглянувшийся мне стол у окна. Ворвавшись в редакцию, я схватила со стола компьютерную клавиатуру, из ящика выхватила пачку исписанных листов и метнулась в обратном направлении. Народ, осознавший, что все лучшие места могут разобрать, тоже включил третью скорость и заметался. Одному Конякину торопиться было некуда, его-то кабинет никто не займет. Он перехватил Влада, тащившего монитор, и сказал в своей обычной повелительно-рычащей манере:

– В номер дашь рекламу, мол, ищем секретаря, умеющего составлять кроссворды и сканворды! Мы ему доверим еще и раздел юмора вести! Пол и возраст значения не имеют!

Последнюю фразу я услышала уже в коридоре. Здорово, значит, секретарь у нас, так же как и все остальные будет на все руки от скуки. Ни кроссвордов, ни юмора до сих пор еще не публиковали, значит, начальство решило расширять газету, видать дела наши и впрямь выравниваются.

Обогнав Тину Олеговну, шествовавшую с цветочным горшком в руках, я залетела в новый офис и бабахнула клавиатуру на самый лучший стол – и у окна, и рядом с выходом. Бросив в мою сторону нехороший взгляд, Тина Олеговна поставила горшок на подоконник у стола в противоположном конце комнаты и собралась что-то сказать, но мне некогда было ее слушать, я помчалась за компьютером, чтобы уж как следует утвердиться на новом рабочем месте.

В офисе этажом выше вовсю шла кипучая деятельность по переселению, а Тая целиком и полностью погрузилась в содержимое стеллажа, где громоздились коробки со старыми номерами. Ни крики Конякина, ни народная толчея – ничто не могло оторвать ее от поисков номера с певицей Аидой. Я не стала ей мешать, у меня своих дел был непечатый край. Отсоединив процессор от монитора, я поспешила на выход.

– За каждым остается закрепленным тот же самый цветок, что был здесь! – неслись в след конякинские распоряжения.

У нас каждый, даже наш разудалый художник был ответственен за какое-нибудь растение, или как называл это Влад – шефствовал над одним зеленым горшколицом. Моим горшколицом был длинный кривой кактус неприличной формы, который я исправно поливала отстоянной водичкой, в надежде, что он когда-нибудь зацветет.

Я устанавливала процессор на столе, когда вошел Влад с двумя коробками.

– Сена, хочешь, скажу невероятное?

– Валяй.

– Конякин помогает Тае что-то искать в стеллажах. Все в шоке и считают это началом большого и светлого чувства.

– Прекрати, пожалуйста, ерундить, может он хочет, чтобы она поскорее нашла что ей нужно и умелась из редакции. И вообще, пойдем, перекурим, а?

– Пойдем.

Он бухнул коробки на соседний стол, и мы отправились в курилку.

– Слушай, Сена, – Влад дал прикурить мне и закурил сам, – у Таисии что, действительно серьезный жених появился?

Я знала, что Тая ни за что мне не простит, если я скажу ему правду, поэтому честно призналась:

– Не хочу рассказывать, все-таки это Тайкина личная жизнь, хочешь, спроси у нее сам.

– У, видать серьезные дела, раз так, – покачал головой Влад. – Ты его хоть видела?

– Не искушай меня. Все, больше не спрашивай ничего. Лучше скажи, в закуток влезет стол с Тинной Олеговной?

– Не, Тина будет сидеть с нами, мы уже художника решили в каморку засунуть, Иловый-ский там как раз мастерскую себе оборудует.

А я-то уже понадеялась, что Олеговна со своими цепкими, все подмечающими глазками свалит с горизонта и можно будет не трястись при каждом опоздании, ожидая, что эта гримза нажалуется Конякину.

– Влад, – я затушила окурок о край железной урны, – подари мне кольцо, а?

– Какое?

– В нос. Которое на палец надевают, разумеется. Понимаешь, мне никто никогда колец не дарил, хочется, чтоб подарили, хотя бы ты.

– Хорошо, – послушно кивнул он, – подарю.

Я только безнадежно махнула рукой, откуда у него деньги?

Накурившись, мы продолжили свой переезд, предстояло перетаскать еще кучу коробок, бумаг, да рассортировать все это на новом месте, чтобы не путаться. Без особого энтузиазма вернулись мы с Владом в свой старый офис. У окна стояла Тая и внимательно рассматривала газетный разворот. Конякин, кряхтя, пытался вытащить с нижней полки стеллажа здоровенную распухшую от нужных и ненужных бумаг коробку.

– Нашла? – заглянула я через плечо Таиски.

– Да, – отчего-то шепотом произнесла она, – вот такая вот она, Аида.

Со страницы пристально смотрела симпатичная девушка, блестящая черная челка на белом лбу, сильно покрашенные глаза и губы, пристальный взгляд прямо «на зрителя». При такой прическе и макияже определить хотя бы приблизительный возраст Аиды не представлялось возможным. Разглядывая фотографию, я вспомнила и статью, она была совершенно, то есть абсолютно разгромной, ее писал Влад, потому что я отказалась вылить столько грязи на абсолютно неизвестного мне человека. Если не ошибаюсь, Влад получил за эту статью тройной гонорар. Я подняла взгляд, Влад усердно помогал Конякину извлекать треклятую коробку. Тая внимательно читала этот гадкий опус, а я тем временем решила порасспросить Владика, неужели Аида и впрямь так плоха? И действительно ли он так хорошо знаком с ее жизнью и творчеством?

С коробками возились долго, и мне все никак не удавалось заполучить Влада. Надо отдать должное, Конякин честно горбатился наравне со всеми, чем не мог не вызвать в наших сердцах законного уважения.

Переезжали мы до самого обеда, явись остальные сотрудники, могли управиться скорее, но – увы, мне жалко было их заранее, в гнев Конякин страшен, а гневаться он будет непременно.

Наконец возникла пауза, и мы с Таей заметили, что Влад направился в курилку. Мы немедленно последовали за ним.

– Это ты писал? – Тая ткнула ему в нос газету.

– Я, – он закурил, глядя на нас поверх очков.

– Она что, на самом деле такое кошмарище?

– Понятия не имею.

– А... как же так?

– Я вообще эту певицу не знаю, этот материал заказной, мне его практически готовым для публикации предоставили, я добавил кое-что от себя и все.

– Хм-м-м... – Тая сложила газету и убрала к себе в сумку. – А вы, оказывается, продажные подлюги-журналиги.

– Тая, солнце, – усмехнулся Влад, – вспомни, как называется наша газета, и как мы зовем ее между собой. И ты еще чему-то удивляешься?

– И много тебе заплатили?

– Прилично.

– А кто?

– Конякин, разумеется, кто ж еще.

– Выходит, нам кто-то заказал эту статью, – призадумалась я. – Странно, обычно «заказывают» известных персон, кому понадобилась эта Аида?

– Это тоже способ раскрутки, – заметил Влад, – звезды часто делают себе имя на скандалах.

– Никакой славы не захочется, если о тебе будут писать подобные гадости, – сказала Тая.

– Это отвратительно.

В душе я тоже сочувствовала незнакомой мне Аиде. Далеко не каждый обрадуется, прочитав о себе подобные гнусности, даже если это опубликовано в целях пиара. У Таиски записки в сумке мобильник, она достала аппаратик, посмотрела на: «Артур-мобил» и вышла из курилки в коридор, чтобы мы не подслушивали.

Вернулась она достаточно быстро и отвела меня в сторонку.

– Сена, он спросил, как я себя чувствую и уточнил, идем ли мы в театр.

– А ты что?

– Сказала, что самочувствие мое улучшилось, отказалась от театра и запросилась в ресторан.

– Зачем?

– Хочу поподробнее расспросить его обо всем непонятном, и об Аиде в том числе.

– Ты все-таки собираешься за него замуж?

– Мне просто интересно, что же происходит.

Она перебросила ремешок сумочки через плечо.

– Уходишь?

– Да, поеду домой, надо привести себя в божеский вид.

– А вечером...

– Вечером приеду к тебе и все доложу. Кстати, завтра у Горбачева день рождения.

– О! А я и забыла! Что подарим?

– Ты сочини поздравительную открытку в стихах, а я присмотрю хороший одеколон. Что еще мужику подаришь? Разве что галстук...

– А вот позвольте не согласиться... – полез к нам в коридор Влад.

– Не позволим.

Тайка чмокнула меня в щеку и поспешила на выход.

Глава восьмая

Возились мы еще долго, слишком много оказалось всевозможного бумажного хозяйства. И пока мы, чихая и плюясь, сортировали эту катастрофу, день приблизился к своему завершению. Механически заставляя коробками и закладывая толстыми папками с атласными завязками полки стеллажа, я размышляла обо всем сразу. Влада, написавшего эту ужасную статью я не винила, сама сто раз такое делала и, надо признаться, угрызений совести не испытывала – у нас тиражи хорошо расходились, если на обложке был анонс скандала вокруг звезды, тем более мы туда еще и мистику примешивали, да и звезде лишняя реклама. Нет, я, конечно же, не хочу оправдывать наши грязные журналистские делишки, но неоднократно я стояла у газетных лотков и смотрела, что покупают люди, идущие в метро. Мне было очень интересно, берет ли кто-нибудь наш «Неопознанный труп», и если берет, то хоть посмотреть на этого человека, запомнить его в лицо. Так вот, большинство крупных заголовков были примерно одинакового содержания: «Та разводится с тем-то, тот наставил рога той-то, те все вместе переспали с тем-то и теперь тот-то грозитя всех тех убить». И эти издания расхватывались в момент, ничего не залеживалось, люди хотели знать всю «правду» по дороге на работу. Мы бы, наверное, и не писали всех этих гнусностей, не будь на них такого бешеного спроса, а раз есть спрос, пожалте – предложение. Но отчего-то именно статья про Аиду не выходила из головы, из материала нашей газеты следовало, что она полусумасшедшая наркоманка, алкоголичка, много раз пытавшаяся безуспешно лечиться, и еще она планирует сделать операцию по перемене пола, потому как влюблена в свою бэк-вокалистку. Чушь, конечно, полнейшая, но написано было так едко и зло, что я на ее месте рыдала бы с полмесяца – не меньше...

Сидя на корточках и глядя в коробку с пачками бумаги для принтера, я думала о стиле написания статьи – он был совсем для Влада нехарактерным. Не могу сказать, что Влад совсем «беззубый», он тоже мог раздухариться и написать страшно, но это...

Засунув коробку на нижнюю полку, я отправилась на поиски Влада. Он обнаружился в курилке, травился вместе с Конякиным. Я решила сразу взять начальство за рога.

– Станислав Станиславович, – я тоже закурила, чтобы не выбивать из коллектива, – вы помните, в марте мы давали статью про певицу Аиду?

– Не помню! – отрезал Конякин, но мне требовалась информация.

– Влад написал разгромную статью о никому неизвестной певице Аиде, говорит, статья была заказной.

– Да, – кивнул Влад, – вы мне дали материал, там была уже почти готовая статья, мне и писать-то особо ничего не пришлось.

– Что-то припоминаю, – Конякин выпустил вверх столб зловонного дыма каких-то жутких дешевых сигарет. – А в чем дело?

– Кто вам заказал ее?

– Это конфиденциальная информация.

– Вы так говорите, как будто вам поручили ее застрелить. Мне интересно узнать, кто и за чем заплатил деньги, чтобы в газете появилась такая статья.

– Интересно, Сена, за углом! Вы там все коробки разобрали?

– Практически...

– А надо, чтобы все! Быстренько докуривай и за дело!

И он стремительно покинул курилку, оставив нас с Владом одних.

– Слушай, не сам ли Конякин написал эту статью?

– Нет, – качнул Влад головой, – как я понял, ему уже передали текст.

– А как передали? Под покровом тьмы?

– Похоже, что по Интернету, станиславский компьютер ведь подключен к Интернету.

- Да? – изумилась я. – Не знала, что мы такие прогрессивные. Ты уверен?
- Сам подключал, я и свой компьютер подключил. Далась тебе, Сена, эта статья.
- Просто интересно, почему люди готовы платить деньги, чтобы так обложить девушку?
- Не зна-а-аю, – зевнул Влад, – это вполне может быть месть отвергнутого любовника...

«Отвергнутого любовника»! У меня перед глазами вспыхнуло – уж не Артурчик ли это сделал? Кстати, как там проводит время Тая? Покинув курилку, я отправилась в наш новый офис, но телефонных аппаратов там еще не было, тогда я поднялась в старое помещение, там телефонов уже не было – где-то зависли они в межзвездном пространстве.

Покрутившись для виду еще немного в новом офисе, я полила свой неприличный кактус, собрала сумочку и наладилась потихоньку на выход. И в дверях столкнулась с Тиной Олеговой.

– Ты куда это? – прищурила она маленькие глазки с короткими густо накрашенными ресницами.

– Я уже все сделала, – произнесла я голосом уставшего после дойки хлебороба, – иду домой.

– Станислав Станиславович в курсе, что ты уходить собралась?

– Вот вы ему пойдите и доложите! – прошипела я, обогнула ее тщедушную фигуру и поспешила к лестнице.

Вслед мне понеслись какие-то гадости, но я была глуха к ним. Я справедливо полагала, что уже достаточно напахалась и за себя и за тех, кто не соизволил явиться.

По дороге домой я пыталась выбросить из головы и статью, и Аиду, но никак не удавалось. Эта певица с трагическими глазами притягивала, хотелось узнать о ней как можно больше. Не из газет, разумеется. Я надеялась, что Тая расспросит Артура и элегантно выяснит у него хоть что-нибудь об этой девушке.

Дома меня как всегда радостно приветствовал Лавруха.

– Идем, идем, – я повесила сумку на крючок вешалки, – как раз тебе еды еще купить нужно.

Прихватив пакет, кошелек, мы отправились в поход к рыночку. Я провела Лаврентия окольным путем, чтобы он мог облегчить организм до того, как мы пересечем территорию рынка. Лавр понял, что от него требуется и исправно делал свои дела. Я же эти дела старательно закапывала, набрасывая сверху песочек, таким образом, мы не особо-то и вредили экологии Москвы.

На базарчике напрямиком направились к знакомому магазинчику свежего мяса. Я привязала Лавра у входа и вошла внутрь. За прилавком как всегда стоял улыбчивый парнишка-продавец.

– О, здравствуйте, – улыбнулся он мне и помахал рукой кому-то за моим плечом.

Я обернулась, в окно витрины заглядывала серьезная сенбернаря морда.

– Есть что-нибудь для нас?

– Конечно, сейчас выберу самое лучшее.

И на прилавке стали громоздиться говяжьи обрезки, жилы, сахарные косточки с хорошими кусками мяса.

– И печенки килограмм.

– Хорошо. Красивый он у вас, здоровый такой, не тяжело с таким теленком управляться?

– Нет, если подход найти, – любезно ответила я и полезла в кошелек. – Сколько с нас?

Он назвал цену и кинул сверху еще пару жил.

– Это вам «в поход».

– Спасибо.

Я улыбнулась лучезарно. Имеешь собаку, изволь кокетничать с мясником. Загрузив пакет продукцией, я отправилась к Лаврентию. Он первым делом попытался засунуть нос в пакет, но я этого ему не позволила.

– Идем, сладкий, домой, там и отведешь душу.

Сладкий несся домой как на праздник, заранее предвкушая сахарную кость, а я говяжий суп и жаркое. Не могу сказать, что я совсем уж нищая, на двоих с Лаврентием вполне хватает... нет, буду откровенна – едва хватает, к тому же много средств «съедала» машина и гады гаишники. Знакомый мясник отвалил нам столько отличного мяса, что грех было бы все скормить Лавру. Я всю дорогу лечила свое израненное самолюбие тем, что многие люди живут гораздо хуже меня и вообще питаются одними костями, но помогало плохо.

Дома я вывалила добычу в раковину, тщательно вымыла и сунула в жаждущую пасть долгожданную кость. Лавр ушел в прихожую, шумно улегся на пол и принялся трапезничать. Я же достала точильный камень и как заправский мясник принялась затачивать оружие производства. Зазвонил телефон. Отложив нож и камень, я пошла в комнату за аппаратом.

– Да? – подтягивая шнур, я понесла телефон на кухню.

Сквозь шум с трудом пробивался Тайкин голос:

– Сенка, я еду к тебе!

– Вы уже отужинали? – придерживая трубку подбородком, я посмотрела на кухонные часы – ровно шесть.

– Да! Приготовь что-нибудь пожрать!

Хорошо, наверное, поужинали.

– Ладно, как раз этим занимаюсь. Жду!

Положив трубку, я поставила аппарат на стол и продолжила затачивать кинжал. Теперь предстояло нарезать мяса в два раза больше, чтобы накормить еще и прожорливую Таюху, которая едет ко мне из ресторана голодной.

Неизвестно почему, но настроение было хорошим, и я решила приготовить супер-пупер мясо. В холодильнике еще оставалось полбутылки красного сухого вина. Я нарезала мясо аккуратными тонкими длинными ломтиками, накрошила лук колечками и выложила все это в глубокую кастрюльку, пересыпая специями и перцем, затем подсолила, кинула лаврового листа и залила красным вином. И довольная собой до невозможности, села чистить картошку, выбирая самую мелкую. Я собиралась ее отварить целиком и обжарить до золотистой корочки.

Глава девятая

Маринованное в вине мясо источало на сковороде божественный аромат, картошка практически была готова, оставалось только посыпать ее мелко-нарезанным чесночком и зеленью, когда в прихожей забеспокоился Лавр и секундой позже послышался Тайкин голос:

– Сена! Я дома!

– Я на кухне, проходи!

– Как вкусно пахнет, – возникла на пороге подруга. – А в коридоре у тебя зрелище не для слабонервных, как будто там убили и съели кого-то.

– Это Лаврик косточку грыз. Присаживайся за стол, еще пять минут и мясо будет готово.

– У тебя выпить что-нибудь найдется?

Я протянула ей бутылку с остатками вина и бокал. Одетая Тая была в строгие черные брюки и красную блузу с атласным воротником. С алой помадой смотрелось неплохо.

– Ну, рассказывай. Почему так быстро вернулась и почему голодная из ресторана?

– Не были мы в ресторане, – она наполнила бокал и полезла в карман за сигаретами.

– Где вы были?

– Сидели у него в машине. Как только я начала задавать вопросы, он свернул на обочину, остановился у какого-то сквера и стал пытаться уже меня на тему: что происходит? Почему я так перевернулась и что он делает не так. Он прямо допрос меня устроил с пристрастием! И прекратил это только когда я начала огрызаться. Потом спросил, куда я хочу поехать, а я напустила на себя вид оскорбленной невинности и попросила подбросить к ближайшему метро. Артур тоже надулся и возражать не стал. На подъезде к метро, я спросила, как он относится к творчеству певицы Аиды, а он ответил, что первый раз о ней слышит, оперу с таким названием знает, а певицу нет. И прибавил, что если мне нравится ее творчество, попробует найти компакт-диск этой исполнительницы. И все, на этом мы расстались.

Я тщательно перемешала мясо, накрыла крышкой и выключила газ.

– Ничего не понимаю, – Тая задумчиво смотрела на сковороду, полную золотой картошечки. – А ты что-нибудь понимаешь?

– Пока нет. Ты прямо сейчас есть будешь?

– Еще бы! Такие ароматы!

Я положила в тарелку картошки, мяса и поставила перед нею. Тайка с аппетитом принялась наворачивать, закатывая глаза от удовольствия.

– В кои-то веки ты разорилась на приличное мясо! Какая прелесть! Нет, все-таки ты умеешь готовить, зря притворяешься.

Я не стала спорить, да и к счастью, в раковине было уже чисто, я заранее убрала в морозилку все то, от чего отрезала это приличное мясо.

– Ты придумала Горбачеву поздравление в стихах?

О, это как раз таки напрочь вылетело из моей головы.

– Вижу, не придумала, давай вместе, я за такой ужин даже помочь тебе готова.

Какая она милая, в следующий раз сварю ей сахарную косточку.

– Давай, Сенка, начинай, а я подхвачу.

С полной тарелкой я уселась напротив, подумала и выдала:

– С днем рожденья поздравляем, счастья, радости желаем. Ну, а так же не болеть...

– И на солнце кости греть! – добавила Тайка и засмеялась.

Вот балда, вечно ей надо все испортить.

– Придумай что-нибудь не такое избитое, – корочкой хлеба она собирала с тарелки все остатки, поглядывая на плиту в явном желании добавки. – Чего-нибудь пооригинальнее.

– Поздравляем с днем рожденья... – вздохнула я, накалывая на вилку картофелину.

- Съешьте три ведра варенья.
- Сама сейчас сочинять будешь!
- Ладно, ладно, уже молчу. Можно добавки?
- Бери.

Потребляя пищу, я пыталась настроиться на поэтический лад и придумать что-нибудь душевное нашему дорогому детективу, но Тайка уже сбила меня с серьезной ноты, в голову лезли сплошные глупости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.